

по отдельным стихам, рассматривая каждую его деталь отдельно и затем, тоже отдельно, это построение, ход мысли автора, он совсем не думает о ее общей идее, о специфической эмоциональной теме произведения, о его психологическом строе, о его единой эстетической системе, концепции, охватывающей и обосновывающей все его элементы. Он и сам говорит, переходя к анализу второй оды Сумарокова: «Ее рассматривать я буду тем же способом, как и первую: именно ж, каждую строфу порознь, и в каждой, что найдется достойного, то нелицемерно похвалая, а какие несовершенства и погрешности явятся, те с довольною пощадю осуждая». Значит, такое рассечение единства произведения было для него осозанным и преднамеренным. При этом у Третьяковского встречаются суждения, отсталые и для его времени. Так, он считает, что формы разговорного просторечия — это результат «народного незнания» нормы грамматики, т. е. для него, как для филологов XVI—XVII столетий, грамматика не является нормализующей фиксацией речи народа (как, скажем, уже для Сумарокова), а наоборот, предписанием для такой речи; впрочем, сам он в других местах выводит норму из «употребления», но из употребления только книжных людей, высших слоев общества, повторяя взгляды Вождя, также к тому времени уже устаревшие. Самый идеал поэта-схоласта, грамматика, ритора, классика, исповедуемый Третьяковским и близкий ему, был архаичен в середине XVIII столетия. Ему противостоял новый тип поэта, обычного человека среди обычных людей, пишущего о простых чувствах и обращающегося не к ученым, а к публике. Таким поэтом и был Сумароков, и за это его осуждал Третьяковский. Ведь Сумароков «не токмо не учивался периодологии, и не слыхивал ни от кого о разности периодов, об их членах и об их существенных частях, но и не сочинивал ни одного еще поныне правильного периода». Что же мог поделаться Третьяковский, если Сумароков нимало не скорбел о своем незнании периодологии и не видел в ней пользы для писателя, желающего беседовать со своими читателями их простым языком!

Критическая манера и критический стиль Третьяковского тоже были архаичны; несмотря на это, его «Письмо» о произведениях Сумарокова было одной из первых значительных критических работ в русской литературе XVIII столетия. Стиль его критики схоластичен, цветист, полон напряженных острот, чрезвычайно пестр по составу, так как в нем смешана славянская архаика, книжная ученость, интеллигентское просторечие и народные поговорки и выражения. Третьяковский исключительно многословен, он объясняет и переобъясняет всякую мелочь, он наполняет свое изложение оговорками, уточнениями, самопоправками. Все это видели еще его современники. В 1755 г. Г. Н. Теплов, ученый и музыкант, тогда крайне раздраженный против Третьяковского, писал о его манере именно в критическом плане, что он «многоречив», что